
От редакции:
Елена Владимировна Пастернак
(1936–2020)

Девятнадцатого марта 2020 года от нас ушла филолог-классик Елена Владимировна Пастернак, жена Евгения Пастернака (1923–2012), старшего сына Бориса Леонидовича Пастернака, внука философа Густава Густавовича Шпета, исследователь их творчества, издатель и комментатор их трудов и рукописного наследия.

Архив был делом ее жизни. Благодаря ее усилиям были открыты многие неизвестные ранее страницы интеллектуальной биографии Б.Л. Пастернака и Г.Г. Шпета. Ответственное отношение к архивному наследию проявлялось и в ее культурно-гуманитарной работе. Елена Владимировна всегда откликнулась на события, которые организовывал журнал «Вопросы философии»: публиковала архивные материалы, выступала с интересными докладами на конференциях и «круглых столах». Нам еще предстоит в полной мере оценить ее способ жизни и мысли, а также вклад, который она внесла в культуру России.

Ниже публикуется архивный текст доклада Елены Владимировны.

Е.В. Пастернак
«Смерти не будет»: поэт у постели умирающего^{*}

Перечислены случаи, когда умирающий просит помощи у поэта и ждет от него своего рода предсмертного напутствие, чувствуя в его таланте «дар жизни», как пишет Пастернак. Несколько таких случаев нашли выражение в письмах читателей Пастернака. Для примера приводится интерпретация, которую дает Юрий Живаго словам Иоанна Богослова из «Апокалипсиса» «Смерти не будет» в разговоре с умирающей Анной Ивановной Громеко. «Апостольское, святительское есть в жизни каждого большого поэта», – писал Пастернаку В. Шаламов.

Здравствуйте.

Спасибо, что вы пришли сюда послушать.

Я хотела бы рассказать, поговорить на очень серьезную тему, очень существенную и одну из главных тем Бориса Леонидовича. Я назвала свой доклад словами «Смерти не будет», которые были одним из первоначальных названий романа «Доктор Живаго». Однажды когда мы были в Евгением Борисовичем в Америке, в Гарварде, то слаvist Джордж Гибиан спросил Евгения Борисовича о том, что было известно Борису Пастернаку о бессмертии. Какую он знал тайну? Судя по волнению, с которым он шепотом на ухо задал этот вопрос, он его очень волновал. Что можно было ответить? Но действительно многим казалось, что Пастернак знал эту тайну, и многим хотелось перед смертью услышать от него нужные слова.

Еще в 1925 году Марина Ивановна Цветаева писала Пастернаку: «Когда я думаю о своем смертном часе, я всегда думаю: кого? Чью руку? И – только твою! Я не хочу ни священников, ни поэтов, я хочу того, кто только для меня одной знает слова, из-за,

^{*} Расшифровка видеозаписи доклада, прочитанного на конференции «Борис Пастернак и Тициан Табидзе: дружба поэтов как диалог культур». 5 апреля 2015 года. Особенности устной речи сохранены. Публикуется с разрешения П.Е. Пастернака.

через меня их узнал, нашел. Я хочу такой силы в телесном ощущении руки. Я хочу твоего слова, Борис, на *ту* жизнь» (14 февраля 1925 г.)

Некоторые исследователи творчества Цветаевой склонны обвинять в ее гибели Пастернака (в чем он сам признавался в письме жене, когда он узнал о ее самоубийстве). Конечно, он чувствовал себя виноватым, что не оказался в тот момент в Елабуге и не смог остановить ее. Он чувствовал также свою вину перед Маяковским, отвергнувшим его любовь в пользу своего окружения. Разве мы, каждый, не чувствуем себя виновными перед смертью близкого или перед его памятью, за то, что он скончался, а мы живы? Мне хочется вспомнить вместе с вами известную сцену из романа «Доктор Живаго» о предсмертном разговоре Юрия Андреевича с Анной Ивановной Громеко. Это будет довольно большая цитата (она всем вам хорошо известна, но мне хочется прочесть ее вместе с вами).

«Как-то вечером в конце ноября Юра вернулся из университета поздно, очень усталый и целый день не евши. Ему сказали, что днем была страшная тревога, у Анны Ивановны сделались судороги, съехалось несколько врачей, советовали послать за священником, но потом эту мысль оставили. Теперь ей лучше, она в сознании и велела, как только придет Юра, безотлагательно прислать его к ней.

Юра послушался и, не переодеваясь, прошел в спальню.

<...>

Большая плавала в поту и кончиком языка облизывала сухие губы. Она резко осунулась с утра, когда Юра видел её в последний раз.

<...>

– Вот, исповедывать хотели... Смерть нависла... Может каждую минуту... Зуб идешь рвать, боишься, больно, готовишься... А тут не зуб, всю, всю тебя, всю жизнь... хруп, и вон, как щипцами... А что это такое?.. Никто не знает... И мне тоскливо и страшно.

Анна Ивановна замолчала. Слезы градом катились у нее по щекам. Юра ничего не говорил. Через минуту Анна Ивановна продолжала:

– Ты талантливый... А талант, это... не как у всех... Ты должен что-то знать... Скажи мне что-нибудь... Успокой меня.

– Ну что же мне сказать, – ответил Юра, беспокойно заерзал по стулу, встал, прошелся и снова сел. – Во-первых, завтра вам станет лучше – есть признаки, даю вам голову на отсечение. А затем – смерть, сознание, вера в воскресение...

Вы хотите знать мое мнение естественника? Может быть, как-нибудь в другой раз? Нет? Немедленно? Ну как знаете.

Только это ведь трудно так, сразу.

И он прочел ей экспромтом целую лекцию, сам удивляясь, как это у него вышло.

– Воскресение. В той грубейшей форме, как это утверждается для утешения слабейших, это мне чуждо. И слова Христа о живых и мертвых я понимал всегда по-другому. Где вы разместите эти полчища, набранные по всем тысячелетиям? Для них не хватит вселенной, и Богу, добру и смыслу придется убраться из мира.

Их задавят в этой жадной животной толчее.

Но все время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях. Вот вы опасаетесь, воскреснете ли вы, а вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили.

Будет ли вам больно, ощущает ли ткань свой распад? То есть, другими словами, что будет с вашим сознанием? Но что такое сознание? Рассмотрим.

<...>

Итак, что будет с вашим сознанием? Вашим. Вашим. А что вы такое? В этом вся загвоздка. Разберемся. Чем вы себя помните, какую часть сознавали из своего состава? Свои почки, печень, сосуды? Нет, сколько ни припомните, вы всегда заставляли себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, в семье, в других. А теперь повнимательнее. Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. И что же? В других вы были, в других

и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего.

Наконец, последнее. Не о чем беспокоиться. Смерти нет.

Смерть не по нашей части. А вот вы сказали талант, это другое дело, это наше, это открыто нам. А талант – в высшем широчайшем понятии есть дар жизни.

Смерти не будет, говорит Иоанн Богослов, и вы послушайте простоту его аргументации. Смерти не будет, потому что преждее прошло. Это почти как: смерти не будет, потому что это уже видали, это старо и надоело, а теперь требуется новое, а новое есть жизнь вечная.

Он расхаживал по комнате, говоря это. “Усните”, – сказал он, подойдя к кровати и положив руки на голову Анны Ивановны.

Прошло несколько минут. Анна Ивановна стала засыпать.

Юра тихо вышел из комнаты и сказал Егоровне, чтобы она послала в спальню сиделку. – Чорт знает что, – думал он, – я становлюсь каким-то шарлатаном. Заговариваю, лечу наложением рук. На другой день Анне Ивановне стало лучше» (Доктор Живаго)

Пением слов «Вечная память» начинается роман «Доктор Живаго» (скажем в скобках, это не совсем точное описание <...>, «Вечную память» поют еще в храме, а при выносе поют «Святые...», как это сделано при описании выноса Анны Ивановны. Но эти слова – основная мысль романа, заявленная в этих словах и заканчивающаяся воспоминаниями о Живаго его друзьями, читающими его стихи «У раскрытого окна над необозримую вечернею Москвою»).

В связи с разговором Живаго с Анной Ивановной вспомним конец повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича»:

«– Кончено! – сказал кто-то над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. “Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше”».

Кроме Иоанна Богослова, на которого ссылается Живаго, в пророчестве Исайи мы находим слова, обосновывающие обещание Спасителя, когда он говорит об обители, которую он сотворил для учеников у Отца своего.

Вот слова Исайи «Говорит Господь: им дам в доме моем и в стенах моих место и имя, которое не изгладится вовек» (Исайя 56:5).

Ему вторит Мандельштам:

«– Не забывай меня, казни меня, Но дай мне имя, дай мне имя! Мне будет легче с ним, пойми меня, В беременной глубокой сини.»

«Дам им в доме моем место и имя, которое не изгладится вовек»

Целью советской истории было стереть неугодного власти человека из памяти потомков. Не поминать, значит умереть.

«Не забывайте нас» – последняя просьба людей перед гибелью, просьба тех, кого уводят на расстрел.

«Ничто не забыто», – говорим мы, когда вспоминаем погибших.

«Жить в память людей по смерти не есть мечтой, это высокая надежда здешней жизни», – писал еще Василий Андреевич Жуковский.

Анатолий Тарасенков записал такой рассказ Пастернака 3 мая 1936 года:

Это была длинная, смешная и путаная история о том, как Пастернаку звонил с завода некий N, рабочий, приглашал на завод. Б.Л. поехал туда, читал по радио стихи, не понимал, кому это нужно, затем пошел в гости к N. благодаря его усиленным приглашениям. «Я помню, – говорит Б.Л., – пустую комнату, в которой бессмысленно орал громкоговоритель, спящих детей и начало выпивки. Затем явился какой-то товарищ, выпивка разгоралась, мы уже все перешли на “ты” и стали друзьями. Во втором часу ночи (а приехал я на завод в 12 ч. дня) меня взяли отвезти домой на машине. Выйдя во двор, мы столкнулись с кем-то и страшно поспорили, чуть не подрались, – оказалось потом, что это начальство моего нового друга. Как я попал домой, не помню. На следующий день N. звонит ко мне, обращается на “ты” и просит разрешения приехать по крайне важному делу. Оказывается, за пьяный скандал его выгнали

с работы и лишили казенной квартиры. Пришлось его устраивать на новую работу через Кранского. С тех пор он периодически звонит мне, теряя работу, и я снова и снова устраиваю его. Давно он уже не звонил – значит, скоро позвонит». В сборнике «Борис Пастернак. Материалы фонда Государственного музея грузинской литературы имени Г. Леонидзе» его составитель Светлана Чернявская, описывая фонд Пастернака, нашла... послушайте ее слова: «...несколько писем от людей смертельно больных или идущих на тяжелые операции. С последними словами они обращаются к Борису Пастернаку. Приведу только два письма с купюрами». И Чернявская приводит... она дает небольшой отрывок из письма некоего Сергея Максимова Пастернаку. 23 апреля 1955 года, Москва «Дорогой Борис Леонидович! Когда-то лет двадцать назад мы с Вами встречались на шарикоподшипниковом и у Вас дома, тогда еще на Волхонке <...> Ваше творчество и Ваша личность оставили настолько сильное, поистине неизгладимое впечатление, что не могу не обратиться к Вам в мой предсмертный час. <...> Люди в последние минуты своей жизни всегда обращаются к кому-то большому и священному для них. Кто к Богу, кто к герою <...> Я же обращаюсь к своему любимому поэту. <...> Я горд и счастлив, что был Вашим современником, что пожимал Вашу руку. <...> Я много раз убеждался в том, что и те, которые ругают Вас, пренебрежительно отмахиваются от Вас и от Вашего творчества, все-таки учатся у Вас. <...> Ваш Сергей Максимов».

В Ташкенте в эвакуации Елена Сергеевна Булгакова познакомилась с Евгенией Владимировной Пастернак. Она рассказывала о романе «Мастер и Маргарита» и дала им с Евгением Борисовичем его прочесть. Роман произвел сильное впечатление. По возвращении в Москву знакомство с Еленой Сергеевной продолжилось. В одно из посещений Евгения Борисовича Елена Сергеевна рассказала ему о двух запомненных ею встречах Пастернака с Булгаковым. Одна произошла 8 апреля 1935 года в писательском доме в Нащекинском переулке. Это был день именин Ларисы Ивановны Трениевой, с которой дружила Зинаида Николаевна Пастернак. Елена Сергеевна подробно рассказала, что Булгакова, который жил в том же доме, пригласили в гости и как скромного соседа посадили в уголок. Хозяева не очень-то обращали на него внимание. Но после тоста за хозяйку присутствующий там Пастернак предложил выпить за Булгакова. Во главе стола в качестве свадебного генерала сидел Нарком медицины Николай Нилович Бурденко и хозяйка всячески кружилась вокруг него. Она громко перебила Пастернака и провозгласила тост за Бурденко. «Нет, – возразил Пастернак, – конечно, Николай Нилович великий человек, но он явление законное, а Булгаков – незаконное. И я предлагаю выпить за него. Лариса Ивановна была очень недовольна». Уже много позже мы с Евгением Борисовичем читали запись самой Елены Сергеевны Булгаковой об этой встрече, сделанную в тот же день. Но там она называла Вересаева как почетного гостя за столом. Тогда как в своем устном рассказе она определенно называет Бурденко. Может быть она просто ошиблась памятью. Но, может быть, не хотела в Дневнике называть его, заменив менее знаменитым тогда Вересаевым. Одним словом, в ее рассказе было противопоставление, обидное в отношении хозяев к Булгакову и Пастернаку и ухаживания за именитым гостем.

Другой ее рассказ касался нашей темы. В последние месяцы болезни Булгакова он попросил Елену Сергеевну позвать к нему Пастернака. Они были не близко знакомы. Но, видимо, между ними было какое-то душевное притяжение и ясное понимание того, что кто значит. Елена Сергеевна рассказывала, что она всегда волновалась, когда приходили к Булгакову посетители. Боялась оставлять их вдвоем. Но в этом случае она как-то сразу почувствовала надежность гостя и, увидев, что они хорошо и ласково встретили друг друга, позволила себе оставить Михаила Афанасьевича на попечение Пастернака и ушла по хозяйству. Вернувшись, она нашла мужа радостным, спокойным и очень довольным. Он сказал ей: «Этого всегда пускай ко мне». Она не слышала, о чем они говорили, но о чем же другом могли они говорить, как не о недавно законченном «Мастере и Маргарите», о его герое Иешуа Га-Ноцри, о телефонном разговоре

одного и другого со Сталиным как с силой, «что без числа творит добро, всему желая зла» (это характеристика Мефистофеля в «Фаусте»). И такой разговор был очень нужен Булгакову, отчетливо понимавшему, что дни его сочтены.

Приведем слова из письма Шаламова Пастернаку (20 декабря 1953), хранящегося тоже в Государственном музее грузинской литературы имени Г. Леонидзе: «Ваше посещение больного Пришвина чудесно. И так это и должно быть. Он хотел Вас видеть, он звал Вас, далекого в быту от него человека. Апостольское, святительское есть в жизни каждого большого поэта, и это ведь чувствуют люди, общающиеся с Вами, читающие Ваши стихи». В своих воспоминаниях Шаламов так передает рассказ Бориса Леонидовича об этой встрече: «Меня позвали к Пришвину незадолго до его смерти. Мы не были знакомы раньше. Приезжаю. Пришвин в постели. Говорит: “Позвольте пожать вашу руку и поблагодарить вас за все, что вы написали. Как же, думаю, умру и не познакомлюсь с вами”. Вот такой разговор. Меня очень тронул этот визит, эти слова». По воспоминаниям художника Валентина Михайловича Никольского, писавшего портрет Пришвина, который был приглашен на встречу Нового 1954 года к Пришвину, дело было так: «В 12 часов радостно и торжественно мы сдвинули бокалы и от всего сердца пожелали друг другу здоровья и благополучия. Вскоре после полуночи пришел Борис Леонидович Пастернак. Меня удивило, что одет он был не по-новогоднему, а в какой-то выгоревшей ковбойке и в старом пиджаке. Был грустным, смотрел на Пришвина влюбленными глазами и маленькими глотками пил сухое вино. Он тихо говорил Пришвину заздравные слова и пожелания долгой жизни. Потом попросили его почитать стихи. Крутя в пальцах рюмку, он медленно и монотонно своим удивительным голосом прочитал: “У людей пред праздником уборка вдалеке от этой суеты...” Эти стихи я впервые услышал в ту новогоднюю ночь и до сих пор они звучат во мне чарующим голосом Бориса Леонидовича». Через две недели, 16 января 1954 года, Пришвин скончался. Пастернак присутствовал на похоронах, нес гроб. Он писал об этом Марине Вениаминовне Юдиной: «На гражданской панихиде по Пришвину кто-то превосходно играл Бетховена, Баха, Балакирева, очень необыкновенные раскаты арпеджий. Я думал это Вы, но человек из пришвинского круга сказал, что нет, это не Вы». Дальше другая цитата: «У гроба Пришвина, – отвечает Юдина, – разумеется, играла я по личной просьбе Валерии Дмитриевны. Кроме Баха, Моцарта и Бетховена, Бородин, а не Балакирев». Возвращаюсь снова к сборнику материалов пастернаковского фонда музея грузинской литературы имени Г. Леонидзе, в котором Светлана Чернявская говорит о письмах от смертельно больных людей. Она приводит маленькую цитату еще из одного письма: «Поэту Борису Пастернаку. Я низко (до земли) Вам кланяюсь за счастье, радость, которые Вы мне дали своими стихами. <...> Я ухожу из жизни, но я ухожу с ними. <...> К. Прутская... 29 января 1959 года». Повидимому, Пастернак получил это письмо из рук в руки и сразу же с этим посланцем ответил: «Дорогая Клавдия Андреевна, ну как не ответить на Ваше письмо, над которым я плачу и которое меня так взволновало. Благодарю Вас, горячо благодарю за то, что Вы сказали в нем. Не думайте, что я не нуждался в Вашей ласке и поддержке. А о Вашей уверенности в том, что Вы уходите из жизни, что сказать Вам об этом? Кто не уходит из нас? Что мы об этом знаем? Я часто был близок к этому. Не надо бояться. И каждый час жизни есть жизнь. И с самого начала, задолго до конца церковь ежедневно молится, христианские кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны... Да будет так. Целую Вас, Ваш Б. Пастернак» (Это слова из молитвы Ектении просительной, читаемые на каждой литургии).

Спросим себя: «Что убеждало людей перед смертью обращаться с такими словами к Пастернаку?» В нем, в его стихах звучало счастье существования, радость и любовь к жизни. Тяжесть обихода и его, так сказать, повседневной жизни, он умел преодолеть восхищением перед миром во всей его данности. Острое чувство красоты природы было преклонением перед ее божественным происхождением, творческим актом Создателя. «Природа, мир, тайник Вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дробью сокровенной, / В слезах от счастья отстою».

Талант Пастернака называют в романе даром жизни. Этот дар жизни чувствовали в нем самые разные люди и тянулись к нему. Даже страшные минуты близкой смерти окрашены для него благодарностью и восторженным ощущением близости Бога.

«О господи, как совершенны
Дела твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной. <...>
Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

Б. Пастернак «В больнице»

Вот то, что я хотела Вам рассказать.